

Александр Беларев

НАУЧНЫЕ СКАЗКИ КУРДА ЛАССВИЦА: МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ, НАУКОЙ И ФИЛОСОФИЕЙ

Статья посвящена творчеству немецкого фантаста Курда Лассвица (1848–1910). В работе дана краткая характеристика основных тем и направлений творчества писателя. Лассвиц был создателем жанра научной сказки (*das wissenschaftliche Märchen*), которая в соответствии с духом эпохи *fin de siècle* воплощала новый постпозитивистский идеал знания. Ключевой темой фантастики Лассвица была тема поиска внеземных цивилизаций. Марс стал для Лассвица местом, где разумные внеземные существа реализовали идеальное общество, в котором этика и технология не находятся в конфликте. Лассвиц был не только философом-неокантианцем, но и активным популяризатором философии Канта. Он стремился создать литературную кантианскую утопию, и Марс стал для Лассвица местом реализации этой утопии. Еще одним философом, идеям которого Лассвиц стремился дать литературное воплощение, был Густав Теодор Фехнер. Следуя его философии, Лассвиц разрабатывает экологическую и экзистенциальную проблематику существования разумных растений с человеком. В статье на примере рассказа для детей «Сбежавший цветок» (1910) прослеживается, как в фантастике (научной сказке) Лассвица темы обитаемости космоса (Марса), науки и техники будущего взаимодействуют с идеями Канта и Фехнера.

Ключевые слова: Курд Лассвиц, Иммануил Кант, Густав Теодор Фехнер, научная сказка, неокантианство, Марс, космос, техника, этика, наука, растения.

Александр Беларев

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва
abelarev@gmail.com

Курд Лассвиц (Kurd Laßwitz, 1848–1910) — немецкий писатель-фантаст, физик, философ-неокантианец и популяризатор науки¹. Его творчество стоит у истоков научной фантастики XX в., и писателя нередко сравнивали с Гербертом Уэллсом, а иногда называли немецким Жюлем Верном, с которым его роднит прогрессистский и гуманистический пафос, а отличает стремление к более строгой научности. Общее с Уэллсом — попытка нарисовать общество будущего, интерес к проблемам контакта с инопланетным разумом и обитаемости Марса. Отличает Лассвица от английского фантаста философский оптимизм и меньший радикализм в политических вопросах.

Научная сказка

Для современников Курд Лассвиц был создателем нового жанра «научной сказки» (*das wissenschaftliche Märchen*), предшественницы *science fiction*. Так, австрийский физик и популяризатор науки Антон Лампа (Anton Lampa, 1868-1938) в вышедшей в 1919 г. книге «Естественнонаучная сказка» («*Das naturwissenschaftliche Märchen*») [Lampa 1919] — одной из первых теоретических работ, посвященных этому жанру, — пишет о Лассвице уже как о классике жанра [Lindau 1919a, vii]. Научная или, как ее часто тогда называли, естественнонаучная сказка² (*das naturwissenschaftliche Märchen*) позволяла плодотворно соединить науку и литературу, примирить рассудок и воображение. Основная цель научной сказки — не только популяризировать науку, но раскрыть «поэтические элементы естествознания» [Laßwitz 2008, 96], показать мир науки и техники глазами поэта.

Для неокантианца Лассвица научная сказка была своеобразным жанровым ответом на кантовскую философию культуры. В основе кантовского подхода лежал принцип строгого разделения «сфер ответственности» и сохранения четких границ между познанием, этикой и фантазией, другими словами, между наукой, нравственностью, искусством и религией. Объединиться они могут только в личности, которая «познает» и «проживает» все составляющие культуры [Lindau 1919, 54]. В письме к своему другу и издателю Хансу Линдау (Hans Lindau, 1875–1963) от 28 мая 1903 г. Лассвиц так характеризовал соотношение науки и фантазии в своем творчестве:

Это (разведение науки и литературы — А. Б.) моя путеводная нить. Поэтому я могу писать «научные» сказки, то есть именно научно

содержание облекать в поэтическую форму, но не для того, чтобы познавать, а для того, чтобы, насколько это в моих силах, создавать произведения искусства. Нужно всегда точно знать, где ты фантазируешь, а там, где ты исследуешь, ты не имеешь права фантазировать. Это строгое разделение я старался никогда не забывать. Мою беллетристическую деятельность можно объяснить тем, что я испытываю слишком большое уважение к науке, чтобы примешивать к ней что-то от моей склонности к сочинительству, и поэтому я для своей фантазии обустроил этот уголок в сказочном саду [Там же, 54–55].

Ласвиц психологически толкует собственное литературное творчество как попытку сохранить чистоту науки и уйти от свойственного эпохе стремления «произвольно все смешивать» [Там же, 53]. В то же время он дает другой ключ к собственным сказкам. В них наука пронизана проблемами этики, религии и искусства, поскольку научная сказка становится неким слепком с мира личности, в котором границы регионов культуры деформируются и становятся зыбкими. Более того, именно научная сказка позволяет увидеть и оценить этические и эстетические вызовы современной науки и техники. Она не «замутняет» науку, поскольку остается в границах искусства, но парадоксальным образом дает возможность глубже понять науку, дать проблемам познания гуманистическое толкование. Об этом писатель рассуждает, например, в книге «Реальности» («Wirklichkeiten», 1900) в главе «О мечтах о будущем» (Über Zukunftsträume).

Развитие техники не только создает новые возможности, но делает человечество более уязвимым: одна мина подрывает целый корабль, один выкрученный болт становится причиной гибели сотен людей в железнодорожной катастрофе, обрыв одного провода лишает связи тысячи людей [Laßwitz 1900, 438–439]. Прогресс ставит новые этические проблемы, например, повышает ответственность перед обществом каждого человека, могущего одним неосторожным действием вызвать катастрофу. Именно научная сказка позволяет осмыслить «этическую силу технического» [Там же, 434], раскрыть надежды и тревоги человека новой эпохи, изобразить злодеев и героев века науки. Техника открывает и новый эстетический опыт, поскольку эффект возвышенного вызывают не столько встреча с величественными и устрашающими картинами природы, сколько столкновение с могучими машинами, работа которых дает человеку возможность ощутить собственную ничтожность и одновременно поразиться величию человеческого гения [Laßwitz 1900, 441]. Фактически литература становится для Ласвица той

призмой, в которой проблемы науки преломляются так, что становится очевидной их связь с (используем термин Эрнста Кассирера) другими символическими формами, в которых человеческий дух выражает себя.

Лассвиц тем самым разделяет со своей эпохой стремление нащупать и выразить новый идеал знания. Он предполагал отход от позитивизма, от узкой специализации. Новое понимание научности предполагало движение от накопления фактов к концептуальности и конструктивности. Критике подвергаются методы естествознания, статистические методики исследования, в гуманитарных науках ставится под сомнение принцип обусловленности средой. Духовная атмосфера коренным образом изменилась. Все начали искать единство в явлениях, синтез предпочитали анализу. Главная цель науки и философии теперь — познать сущность вещей [Hermant 1971, 4]. Если раньше ученые настаивали на том, что они «не философы», то теперь в центре познания оказался именно поиск и обоснование универсальных, обобщающих философских категорий: эпоха, стиль, структура, целостность, динамика, бытие [Там же]. В основании культуры теперь видели творящий дух, который отливается во множестве форм в литературе, науке, искусстве. Эту убежденность разделяют разные направления тогдашней современной мысли (бергсоцианцы, философы жизни, неокантианцы). Основными категориями культуры становятся *дух* и *жизнь*.

Неокантианство ищет целостность в понятии «культура». Оно стремится охватить культурой максимальное количество «реальностей», но не за счет стирания границ, а, наоборот, за счет сохранения четких границ между наукой, искусством, религией, этикой. Границы позволяют каждой области культуры развиваться по собственным законам, при этом сохраняя свое место и задачи в единой духовной работе. Лассвиц считает, что эти независимые области обретают единство, фокусируясь в человеческой личности. Фантастика Лассвица современна тем, что направлена на сохранение различий, а не на их нивелирование. Человек в рассказах немецкого писателя нередко увиден глазами «другого», например, глазами насекомого («Дневник муравья»), растений («Звездная роса»), неживой природы («Капелька», «Аспира»), технических устройств («Утренний сон», «Пойманная молния»), инопланетян («На двух планетах»). Остраняющий взгляд другого убеждает читателя в существовании разных миров и реальностей, разных смыслов и порядков, среди которых человек не занимает привилегированное положение. И техническое, и этическое превосходство человека

есть, возможно, лишь следствие его самоуверенности или самообмана.

Лассвиц стремился изобразить новые проблемы взаимодействия человека с природой. Диалог природы и культуры Лассвиц в духе Канта понимает как противостояние царства необходимости и царства свободы, природы и этики. Так, в рассказе «Пойманная молния» («Der gefangene Blitz», 1902) электрическая лампа вспоминает время, когда она была молнией и жила на воле в царстве природных стихий. Она пытается понять человека, которому теперь служит. В романе «Аспира» («Aspira. Roman einer Wolke», 1905) дочь короля воздушной стихии — облако по имени Аспира — вселяется в тело молодой исследовательницы Веры Ленциус, пытаясь понять, чем живет человек. Силы природы, подчиненные современной технике, становятся частью культуры и духовного труда человечества. Лассвиц как философ занимался историей атомизма, и тема частицы, оторванной от своей стихии (капля, песчинка, пылинка, искра), остается важной и в его прозе. Эволюция от природы к культуре и истории понята им как индивидуализация, обретение черт личности эмансипированной «частицей», например, каплей, оторвавшейся от речного потока, в рассказе «Капелька» или зверем, покинувшим родную стаю, в палеонтологической повести «В тумане тысячелетий», как переход от бессознательного, стихийного бытия к сознательной жизни.

Человек у Лассвица, наоборот, пытается понять, что связывает его с природой как целым. В романе «Звездная роса» («Sternentau», 1908) главная героиня Харда Керн устанавливает контакт с миром одушевленных растений. Восстановить пересечения между двумя полюсами земной жизни — индивидуальным бытием человека и существованием растений, обладающих коллективной духовной связью с планетой Земля — помогает третья форма жизни: загадочные идоны. Идоны — это обитатели одного из спутников Нептуна, волей случая попавшие на нашу планету. Пришельцы рождаются из спор особых растений, но внешне напоминают крылатых человечков-эльфов. Они в течение жизни сохраняют духовную связь со своими материнскими растениями, то есть, в отличие от человека, идеально сочетают индивидуальное и общее (духовную жизнь отдельной личности с планетарной родовой жизнью). Идоны понимают язык растений и способны телепатически общаться с человеком, поэтому могут стать посредниками в диалоге людей с растениями.

Кант на Земле и на Марсе

Существование внеземных цивилизаций было важнейшей темой литературных и эссеистических текстов Лассвица. Писатель верит в существование на других планетах разумных существ и более совершенного социума. Эта вера, по его мнению, не противоречит данным современной науки и остается правом человека, своего рода постоянным идеалом, поддерживающим человечество. Важность этой проблематики остается актуальной для Лассвица на протяжении всего творчества. Ей посвящено самое известное произведение писателя — роман о контакте с марсианской цивилизацией «На двух планетах» («Auf zwei Planeten», 1897). Обитатели Марса нумы (разумные) независимо от землян строят свою цивилизацию, основанную на автономии разума, на следовании моральному императиву, на отказе от насилия, на этическом понимании науки и техники как средств освобождения духовной энергии. Они создают особую культуру разума («нуменхайт»), которую марсиане хотят принести людям.

Важно понимать, что марсианская цивилизация в романе — это, по сути, кантианская утопия. Лассвиц здесь соединяет в захватывающем повествовании три свои любимые темы: философия Канта — наука (техника) — обитаемый космос (Марс). Прогресс науки является залогом развития цивилизации, основанной на принципах кантовской этики. Марсианская цивилизация достигла не только высочайшего уровня науки и техники, но и нравственно недостижимо ушла вперед. На Марсе немецкого фантаста научно-технический прогресс не отстает от этического. Марс был для Лассвица не только символом обитаемого космоса, возможностей другого человечества. После книги Джованни Скиапарелли о Марсе, после открытия знаменитых «каналов» сенсационная тема обитаемости Марса как бы переместилось из сферы чистой фантастики и утопии в область теоретически возможного, допустимого и достижимого. Не случайно романы Уэллса и Лассвица о контакте с марсианами вышли в один год.

К попытке создать неокантианскую утопию Лассвиц обратился еще до написания романа «На двух планетах». Лассвиц был интереснейшим популяризатором философии Канта. Он, например, написал работу «Учение Канта об идеальности пространства и времени» (Die Lehre Kants von der Idealität des Raumes und der Zeit im Zusammenhange mit seiner Kritik des Erkennens allgemeinverständlich dargestellt, 1883 [Laßwitz 2010]), которая фактически являлась

научно-популярным изложением системы взглядов Канта в целом. Но писатель также хотел создать литературную неокантианскую утопию, которая была бы доступной максимально широкой аудитории. Важным шагом в этом направлении можно считать рассказ «Апоикис» («Apoikis», 1882; в русском переводе 1913 г. «Остров блаженных»), написанный в жанре альтернативной истории и утопии. Повествование ведется от лица немецкого путешественника, побывавшего на острове, затерянном в Атлантическом океане. На этом острове последователями Сократа, покинувшими Грецию после казни учителя, за много веков построено государство философов Апоикис («Колония»). Колонисты выбрали путь развития, отличный от европейского. Его смысл не в покорении природы и внешнем могуществе, а в концентрации на «культуре самосознания»: «То, что вы вырываете у природы, измеряя, взвешивая, считая, путем открытий и изобретений, то мы после того, как наш разум освободился от своих собственных оков и превратился в силу интуиции, творим из самих себя по своему свободному выбору» [Ласвиц 1913, 16]. Апокийцы развивают метафизику как эмпирическую науку, они научились управлять реальностью с помощью силы сознания. В их мире происходит полное слияние этики и техники: «Хотеть, долженствовать и мочь у нас понятия нераздельные» [Там же]. Островитяне не боятся нападения вражеского флота. Стоит им только пожелать, и командиры неприятельской армии вынуждены будут отдать приказ об отступлении «в силу взаимной связи всякого сознания в абсолютном» [Там же, 17]. В рассказе «Апоикис» Ласвиц пошел даже дальше по пути практической «реализации» кантовской философии по сравнению с романом «На двух планетах», изданном через пятнадцать лет. Для обитателей острова научные открытия и технические изобретения — лишь продолжение и практическое приложение «культуры самосознания». Однако марсиане в романе «На двух планетах», так же, как и апокийцы, обладают могучей силой внушения, «властными» глазами, противостоять силе которых землянам непросто.

Сбежавший цветок

Все сказанное выше поможет в интерпретации рассказа 1910 г. «Сбежавший цветок. Марсианская история» («Die entflohene Blume. Eine Geschichte vom Mars»). Нам этот текст интересен по двум причинам. Прежде всего, это история, которую с уверенностью можно назвать «детской». Кроме того, рассказ относится к про-

изведениям «позднего» Лассвица. Он был написан в последний год жизни писателя (1910), а опубликован уже посмертно в 1919 г. в антологии прозы, стихов и эссе из архива автора «Пережитое и познанное» («Empfundenes und Erkanntes»), собранной поклонником и издателем Лассвица Гансом Линдау. Поздние произведения Лассвица интересны тем, что в них все явственнее начинает проступать натурфилософская тематика, в основе которой лежат идеи немецкого психолога, физика и философа Густава Теодора Фехнера (Gustav Theodor Fechner, 1801–1887). Знакомые читателю Лассвица темы (кантианство, Марс, наука и техника будущего) сохраняются, но благодаря «фехнеровской» проблематике они усложняются и получают дополнительные оттенки.

Главные герои рассказа — маленькая девочка Ха, ее старший брат Хай и растение, которое девочка называет «Гнутиком» (в оригинале *Duckchen*, видимо, от немецкого *ducken* — гнуться, поворачиваться):

Ведь Гнутик и маленькая девочка жили не на Земле, а на планете Марс. Ее обитатели, марсиане, так же, как и тамошние растения, уже гораздо более развиты, чем земляне. Марсиане давно знают, что растения — одушевленные и чувствующие создания, и выучились понимать их движения и звуки, при помощи которых растения на Марсе могут говорить [Laßwitz 1919, 241].

Комнатное растение пребывает в тоске, ведь оно горное растение, которое дети силой держат дома. Скоро придет пора цветения, и цветки Гнутика рвутся на свободу. Они мечтают оторваться от материнского растения и полететь в родную Цветочную расселину, чтобы там пустить корни. Однако Ха не намерена отпускать цветы из дома. Гнутик говорит ей, что, если она не отпустит цветки, они убегут без разрешения. Действительно, два цветка совершают побег, когда Хай заносит в комнату ящик со свежей землей для Гнутика. Дети решают перехватить мятежные цветки и на своем «автолазе» — машине, напоминающей насекомое (в оригинале — «*Kletterauto*»), направляются к плато в пустыне Бурр. Цветки летят высоко и не замечают погони. Автолаз с детьми первым достигает кратера, в котором расположена Цветочная расселина. Склоны кратера поросли густым кустарником, поэтому дети вынуждены покинуть машину и спускаться пешком. Хай был здесь однажды на экскурсии с учителем биологии. Пока дети ждут прилета гнутиков, они решают подкрепиться «съедобными камнями»: окаменевшим пчелиным медом древних эпох, за которым они спускаются в одну

из пещер. Утолив голод, дети поджидают беглецов у входа в Цветочную расселину. Вот они замечают летящие цветки. Но неожиданно со дна кратера начинает подниматься змеевидное ядовитое газовое облако, которое на Марсе называют глубинным червем. Хай знает, насколько червь опасен для человека, поэтому он хватается сестру за руку, и они что есть мочи бегут вверх к автолазу. Но на крутом склоне силы быстро покидают их. Кажется, все потеряно, и червь наползает на несчастных детей. Спасают героев сбежавшие цветки: они кинулись вниз и накрыли собой, как масками, лица упавших и ждущих смерти ребят. Растениям Марса глубинный червь не страшен: они только расцветают от ядовитых газов. Рассказ заканчивается счастливо. Дети благодарят своих спасителей и раскаиваются в том, что намеревались лишить гнутиков свободы:

«О, милые цветы, милые, милые Гнутики!» — сказала Ха, как только пришла в себя. «Вы нас спасли, а мы хотели вас поймать! Нет, никогда больше мы не лишим свободы ни одно растение! Я вам это обещаю», — сказал Хай [Laßwitz 1919, 247].

Фехнер на Земле и на Марсе

В позднем творчестве Лассвица триада Кант — наука (техника) — космос (Марс) дополняется и усложняется, приобретая вид тетрады: Кант — наука — космос — растения. В рассказе «Сбежавший цветок», как и в романе «Звездная роса», вышедшем двумя годами ранее, живые, наделенные языком и разумом растения, становятся важнейшими персонажами. Представление о разумных растениях связано у Лассвица с наследием Густава Фехнера, который был второй после Канта фигурой, определившей мировоззрение, а главное, литературные поиски Лассвица.

Фехнер — радикальный философ, который прошел строгую школу науки и резкой критики натурфилософии Шеллинга, Окена, Гегеля, но после мировоззренческого кризиса, связанного с тяжелой болезнью и временной потерей зрения, фактически стал создателем сложной метафизической пантеистической и панпсихической системы одушевленного космоса. Система Фехнера предполагала, что человек не обладает исключительным правом на сознание. Сознанием и душевной жизнью наделены также растения, а люди неверно и эгоистически интерпретируют их жизненные проявления. Этому вопросу посвящена книга Фехнера «Нана, или о душевной жизни растений» («Nanna oder über das Seelenleben der Pflanzen»,

1848), названная в честь Наны — «германской Флоры», супруги бога Бальдура, повелительницы растительного царства. В своем *opus magnum* «Зенд Авеста, или о предметах небесных и потусторонних» (*Zend-Avesta oder über die Dinge des Himmels und des Jenseits*, 1851) Фехнер доказывал, что сознанием наделены также планеты, поэтому люди (как и животные, и растения) являются лишь органами высшего планетного организма. После смерти человек получает доступ к мыслям и чувствам других людей, поскольку его включенность в планетарные жизнь и сознание становится более очевидной. В свою очередь, планеты как разумные сущности являются органами и частью сознания Бога. Лассвиц был одним из инициаторов фехнеровского ренессанса в Германии. Под его редакцией переиздавались труды философа, он посвятил жизни и идеям Фехнера отдельную книгу [Laßwitz 1896], главу в сборнике эссе «Души и цели» [Laßwitz 1909] и статью «Юмор и вера у Фехнера» [Laßwitz 1919a].

В чем уникальность и актуальность Фехнера для эпохи *fin de siècle* и почему он стал важной фигурой для целого ряда немецких интеллектуалов того времени, например, для таких разных фантастов, как визионер и символист Пауль Шеербарт и естествовед, физик и «реалист» Курд Лассвиц? Фехнер символизировал новое отношение к науке, его жизненный путь от критика спекулятивной натурфилософии через современную физику и строгую экспериментальную психологию к новой метафизике был очень современен, отражал дух новой эпохи с ее принципиальным отказом от методов и ценностей позитивизма. Основными категориями культуры в то время, как уже говорилось выше, становятся *дух* и *жизнь*, именно они являются фундаментом метафизики Фехнера. Все, что раньше считали мертвым, у Фехнера полно жизни. Все, что считали ведущим бессознательную жизнь, у него оказывается наделенным сознанием. Фехнер был интересен тем, что на фундаменте естественных наук воздвиг монистическое учение, близкое новой религии, при этом не порывая с основами христианства. Он сближает ранее трудно соединимое: науку, религию, мистику, поэзию. Литературная одаренность Фехнера также привлекала читателей. Его юмористические эссе, изданные под псевдонимом доктор Мизес, оказались пролегоменами к его будущей философии. Важнейшие идеи Фехнера, близкие переломной эпохе, — психофизический параллелизм и порог сознания. Первая идея связывает физическое и духовное, вторая заставляет предполагать существование невидимых пластов жизни, скрытых от «глаз» сознания.

В свете сказанного можно говорить о том, что тематическая тетрада *Кант — наука — космос — растения* на самом деле должна выглядеть следующим образом: *Кант — наука — космос — Фехнер (растения)*. Видимо, к концу жизни метафизика и своеобразная мистика Фехнера начинают выходить у Лассвица на первый план даже по сравнению с идеями Канта. Смысловый центр тетрады постепенно смещается вправо.

Наиболее подробно проблематика мыслящих растений раскрывается в романе Лассвица «Звездная роса», о котором мы уже говорили выше. Он относится к тому же периоду творчества, что и «Сбежавший цветок». В романе растения — мох, плющ, бук и т. д. — размышляют, беседуют, спорят. Они говорят о своей связи с планетой как целым, о связи всех растений между собой, об их вечной, коллективной душе, делающей их бессмертными. Они убеждены в собственной исключительности и примитивности людей как формы жизни. Они пытаются понять людей, их назначение в мире и выглядят пародией на людей, так же свысока смотрящих на растения.

Тематика растительных «коллективов» у Лассвица была современна еще и по той причине, что последние годы XIX в. — это время начала осмысления экологической проблематики. Термин «экология», введенный в 1878 г. Эрнстом Геккелем, активно использовал датский ботаник Эугениус Варминг в своей книге 1895 г. «Растительные сообщества». В эпоху Лассвица начинается исследование соотношения природных сообществ (естественных ассоциаций живых организмов) и социума, их сходств и различий. Социология и философская антропология начала XX в. откроет уникальность человека, которая состоит в двойной соотнесенности, во-первых, с экологическими, во-вторых, с социальными формами ассоциаций. В романе намечена также связь темы растений с темой космоса. На это намекает название «звездная роса», которое главная героиня дает загадочному растению, найденному ею в лесу. И действительно, на спутниках Нептуна существуют гармония и нераздельность растений, планет и инопланетян.

Дети и растения

В детском рассказе «Сбежавший цветок» Земли нет, все действие целиком происходит на Марсе. Даже дети-марсиане понимают истинную природу растений, могут понимать их язык. Функция растений на Марсе меняется у Лассвица еще в романе «На двух

планетах». Их больше не используют как источник органических веществ, поскольку марсиане научились получать органические вещества из неорганических источников. Растения выполняют, скорее, эстетическую функцию, кроме того, они способствуют сохранению влаги на планете, а гигантские деревья служат для марсианских городов живым куполом от солнечной радиации. В рассказе детям преподносится своеобразный урок эмпатии, понимания других существ. И этот урок они получают не от взрослых. Взрослых, что важно, в рассказе нет. Ха и Хай очень самостоятельны: старший брат умеет управлять «автолазом», на котором дети ездят в школу. Погоня за растениями оставляет детей наедине с Марсом, они вынуждены принимать самостоятельные решения, их подстерегают опасности. Нравственный урок им преподносят разумные растения, но это воспитание не наказанием, а спасением. Можно ли повелевать другими, использовать разумных существ как игрушку, как средство для достижения эгоистических целей? На этот кантовский, по сути, вопрос детям помогли ответить два цветка. Гнутики не остались безразличны к своим преследователям, хотя это могло стоить им свободы, а, следуя долгу морального существа, кинулись на помощь детям. Стремление к свободе, способность к состраданию и эмпатии оказались общими у людей и растений. При этом спасительным стало именно то, что делает растения «другими» для марсиан: для цветов ядовитые газы полезны.

Нравственно взрослыми оказываются в рассказе разумные растения, хотя, на первый взгляд, два цветка ведут себя, как непослушные дети. Они покидают материнское растение, убегают из дому, нарушают порядок, чтобы вернуться к своим родным в горы и дать начало новому поколению гнутиков. Однако на самом деле именно цветы-беглецы не нарушают, а исполняют закон, возвращаясь на родину предков. Пленники, питомцы, игрушки, они оказываются настоящими друзьями. В таинственной заглавии рассказа укорененность, которую здравый смысл приписывает растениям, сталкивается с динамизмом, закон — со свободой. Парадоксальным образом цветки гнутиков бегут, чтобы укорениться, обрести истинное единство со своей планетой.

Важной особенностью новой научной сказки стало использование формальных черт «настоящей» волшебной сказки, переосмысленных в духе эпохи, когда чудеса стали связываться с техникой, а волшебник — с ученым или инженером. Происходит, с одной стороны, процесс «расколдовывания» сказки, а с другой — «заколдовывания» науки. Лассвиц специально вводит детали, которые

сначала должны показаться волшебными, но в дальнейшем получают научное объяснение. В первую очередь, это «съедобные камни», которыми лакомятся дети. Выясняется, что это вовсе не камни, а древний мед. Его запасали в далекие времена пчелы, собиравшие нектар с марсианских растений. В ходе геологической истории планеты под воздействием высоких температур отложения меда затвердели. Так обнаруживается связь камней с миром растений, происходит важное для рассказа с фехнеровским подтекстом размывание границы между органическим и неорганическим: там, где мы ожидаем встретить неживой объект, нас встречает нечто, наделенное жизнью. Похожим образом обстоит дело с песчаным червем, который напоминает злобное сказочное чудовище, а оказывается лишь стелющимся газовым облаком. Кстати, с подобной обманки начинается и роман «На двух планетах»: описанный в первых строках огромный змей, который, извиваясь, ползет по арктической пустыне, — это тень гайдропа воздушного шара, на котором главные герои летят к полюсу. Автолаз, с помощью которого дети передвигаются по Марсу и карабкаются по скалам, похож на осу, ползущую по стене. Марсианские цветы включаются в эту сказочную игру иллюзий. Когда они несутся по воздуху, то напоминают некий летающий механизм: лепестки вращаются, как винт, а тычинки выполняют функцию руля. Марсианская техника заимствует органические формы, а марсианские растения напоминают машины.

Казалось бы, непритязательная сказка / фантастический рассказ о побеге марсианских цветов вбирает в себя все темы фантастики Лассвица: живой, населенный разумными существами космос (Марс), техника и наука будущего (автолаз), идеи Канта (свобода как следование долгу, этическое взросление), идеи Фехнера (одушевленные растения, неразрывная связь разумного существа с собственной планетой).

В обращении к творчеству Лассвица существует не только исторический или библиографический смысл. Художественные тексты Лассвица не только возвращают к истокам научной фантастики, давая возможность ретроспективно прояснить ее реализованные и упущенные возможности, понять константы жанра. В них есть то, что исследователь литературы мидраша Даниэль Боярин назвал как-то «полезным прошлым» [Боярин 2012, 47]. Во-первых, фантастика Лассвица является сложным сочетанием научно-технических, этических и экологических тем, научной фантастики и фэнтези. Во-вторых, она современна и направлена

не на то, чтобы нивелировать различия, а на то, чтобы сохранять их. Сохранение различий и принятие других реальностей есть императив фантастики Лассвица. В-третьих, этот автор интересен тем, что популяризирует не только науку и технику, но сочетает живую науку с занимательной философией. Ему близки философские системы, которые сочетают метафизику с авторитетом строгой науки в поисках подступов к новой науке и новой метафизике.

Примечания

- ¹ Подробнее о Курде Лассвице, а также о рецепции его творчества в России см. [Беларев 2020]. Там же см. библиографию основных работ о его творчестве.
- ² Учившийся у Лассвица в гимназии и подражавший ему на раннем этапе творчества немецкий фантаст Ганс Доминик (Hans Dominik, 1872–1945) назвал свой сборник 1903 г. «Технические сказки» («Technische Märchen») [Dominik 1903].

Литература

Источники

- Лассвиц 1913* — Лассвиц К. Остров блаженных // Остров блаженных / пер. В. Познера. СПб.: Тип. т-ва «Екатеринг. печ. дело», 1913. С. 3–19. (Бесплатное приложение к журналу «За 7 дней». № 117).
- Dominik 1903* — Dominik H. Technische Märchen. Berlin: Hugo Steinitz Verlag, 1903.
- Lampa 1919* — Lampa A. Das naturwissenschaftliche Märchen. Rechenberg: Verlag Deutsche Arbeit, 1919.
- Laßwitz 1919* — Laßwitz K. Die entflozene Blume. Eine Geschichte vom Mars // Empfundenes und Erkanntes. Aus dem Nachlasse von Kurd Laßwitz. Leipzig: Verlag von B. Elischer Nachfolger, 1919. S. 241–247.
- Laßwitz 1896* — Laßwitz K. Gustav Theodor Fechner (Frommans Klassiker der Philosophie). Stuttgart: Friedrich Frommanns Verlag (E. Hauff), 1896.
- Laßwitz 1919a* — Laßwitz K. Humor und Glauben bei Gustav Theodor Fechner (D. Mises) // Empfundenes und Erkanntes. Aus dem Nachlasse von Kurd Laßwitz. Leipzig: Verlag von B. Elischer Nachfolger, 1919. S. 197–232.
- Laßwitz 2010* — Laßwitz K. Die Lehre Kants von der Idealität des Raumes und der Zeit im Zusammenhange mit seiner Kritik des Erkennens allgemeinverständlich dargestellt. Gekrönte Preisschrift. Neuausgabe der 1883 erschienenen Erstausgabe / herausgegeben von Dieter von Reeken. Lüneburg: Dieter von Reeken, 2010.

Laßwitz 1909 — Laßwitz K. Seelen und Ziele. Beiträge zum Weltverständnis. Leipzig: Verlag von B. Elischer Nachfolger, 1909.

Laßwitz 2008 — Laßwitz K. Über Tropfen, welche an festen Körpern hängen und der Schwerkraft unterworfen sind [Dissertation] // Kurd Laßwitz. Über Tropfen, welche an festen Körpern hängen und der Schwerkraft unterworfen sind [Dissertation], Atomistik und Kritizismus. Ein Beitrag zur erkenntnistheoretischen Grundlegung der Physik. Reprografische Nachdrucke der 1873 bzw. 1878 erschienenen Originalausgaben / herausgegeben von Dieter von Reeken. Lüneburg: Dieter von Reeken, 2008.

Laßwitz 1900 — Laßwitz K. Wirklichkeiten. Beiträge zum Weltverständnis. Berlin: Verlag von Emil Felber, 1900.

Lindau 1919 — Lindau H. Kurd Laßwitz // Empfundenes und Erkanntes. Aus dem Nachlasse von Kurd Laßwitz. Leipzig: Verlag von B. Elischer Nachfolger, 1919. S. 1–56.

Lindau 1919a — Lindau H. Vorwort // Empfundenes und Erkanntes. Aus dem Nachlasse von Kurd Laßwitz. Leipzig: Verlag von B. Elischer Nachfolger, 1919. S. V–VII.

Исследования

Беларев 2020 — Беларев А. Н. На двух планетах. Рецепция творчества Курда Лассвица в России // Русско-немецкие контакты в детской литературе: XVIII–XX вв. / отв. ред. С. Г. Маслинская. СПб.: Росток, 2020. С. 167–248.

Боярин 2012 — Боярин Д. Израиль по плоти: О сексе в талмудической культуре. М.: Книжники; Текст, 2012.

Hermant 1971 — Hermant J. Literaturwissenschaft und Kunstwissenschaft. Methodische Wechselbeziehungen seit 1900. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1971.

References

Belarev 2020 — Belarev, A. N. (2020). Na dvukh planetakh. Retseptsiia tvorchestva Kurda Lassvitsa v Rossii [Two planets. Kurd Lasswitz' reception in Russia]. In S. G. Maslinskaja (Ed.) Russko-nemetskie kontakty v detskoj literature: XVIII–XX vv. [Russian-German Contacts in Literature for Children: 18th–20th Centuries] (pp. 167–248.). Saint-Petersburg: Rostok.

Boyarin 2012 — Boyarin, D. (2012) Izrail' po ploti. O sekse v talmudicheskoi kul'ture. [Carnal Israel. Reading Sex in Talmudic Culture] Moscow: Knizhniki; Tekst.

Hermant 1971 — Hermant, J. (1971) Literaturwissenschaft und Kunstwissenschaft. Methodische Wechselbeziehungen seit 1900. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.

Alexander Belarev

Institute of the World Literature named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-3369-7089

SCIENTIFIC TALES BY KURD LASSWITZ: BETWEEN LITERATURE, SCIENCE AND PHILOSOPHY

The article deals with the works of German science fiction writer Kurd Lasswitz (1848–1910). The article provides a brief description of the main themes and directions of the writer's work. Lasswitz was the creator of the scientific tale genre (*das wissenschaftliche Märchen*), in which he had set the task of building new relationships between science and literature, nature and man, the animate particle and the cosmic whole. In accordance with the spirit of the *fin de siècle* era the scientific tale represented a new, post-positivist ideal of knowledge. The key theme of Lasswitz's fiction was the search for extraterrestrial civilizations. Mars became for Lasswitz a place where the intelligent extraterrestrial beings have realized an ideal society in which ethics and technology are NOT in conflict. Lasswitz was not a neo-Kantian philosopher only, he was also an active popularizer of Kant's philosophy. He was striving to create a Kantian utopia in literature. For Lasswitz Mars became the realization of this utopia. Also Lasswitz sought to give literary embodiment to the ideas of another philosopher, Gustav Theodor Fechner. Following his philosophy, Lasswitz develops environmental and existential issues of the coexistence of intelligent plants with humans. In Lasswitz' story for children "The Escaped Flower" (1910), one can trace how in Lasswitz' science fiction (scientific tale) the themes of the habitability of space (Mars), science and technology of the future interact with the ideas of Kant and Fechner.

Keywords: Kurd Lasswitz, Immanuel Kant, Gustav Theodor Fechner, scientific tale, Neo-Kantianism, Mars, space, technology, ethics, science, plants